
КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Анатолий Белинский. Нерешенный вопрос. СПб.: Петрополис, 2022. — 310 с.

Роман-размышление, в котором Анатолий Белинский, старейший писатель Петербурга, умудренный мыслитель и аналитик, обращается к непреходящему в истории человечества вопросу о природе и странностях любви. Сменялись поколения, рушились государства, но всякий раз вставал, по словам В. Маяковского, нерешенный вопрос о женщинах и о любви. Основываясь на документах и воспоминаниях современников, А. Белинский размышляет о влиянии Эроса — в древнегреческой мифологии стоявшей у истоков мироздания движущей миром непреодолимой силой тяготения — на судьбы конкретных людей, оставивших свой след в русской истории и литературе.

Чтобы не утонуть в событиях и фактах русской истории, А. Белинский начинает со времен, когда, как говорится, «Петр прорубил окно в Европу», давая емкие и яркие характеристики сменяющим друг друга эпохам. Петровские времена, блестящий век Екатерины, век Просвещения, новые веяния в век XIX, XX... Время и нравы определяли общественные устои, а значит, и положение женщины в обществе и семье, ее воспитание, сам институт брака: обычаи, по которым он заключался, обязанности жены и мужа. В XVIII век брак совершался исключительно по воле родителей как своеобразная сделка между двумя родами. Не только невеста, но часто и жених не видели своих нареченных до сватовства. А какую роль играла в браке любовь, и играла ли вообще? Фаворит Екатерины II Григорий Орлов, преодолев сопротивление церкви, женился на своей двоюродной сестре, брак оказался недолгим, и когда молодая супруга умерла от чахотки, у Орлова появились признаки тяжелого безумия. Любовь? Маленькая, некрасивая, но очень живая и веселая фрейлина Нелидова была единственной, кто мог смягчать гневные припадки Павла I. Любовь императора была платонической, но наполнена таинственной, неподвластной разуму силой любви-Эроса, считает автор. А разве не любовь побудила владельца несметных богатств, графа Н. Шереметева жениться на крепостной актрисе? Автор приводит контрастные примеры распутных или праведных нравов семейной жизни, основываясь на мемуарах, рассказывает о житейских драмах ботаника и лесоведа А. Болотова, архитектора Н. Львова, княгини Е. Воронцовой-Дашковой. Красочные, точные и живые воспоминания о нравах XVIII—XIX веков («Рассказы бабушки») оставила Е. Янькова (1768—1861). Без подробностей и живых деталей, которые содержатся в мемуарах, история превращается в сухую справку, считает А. Белинский. В XIX веке роль женщины в обществе возросла, и вопрос о «нерешенном вопросе и любви» принял другие очертания. На страницах книги появляется галерея портретов ярких женщин пушкинской поры: роковая красавица Аврора Шернваль, пережившая смерть двух женихов и преждевременную смерть двух мужей; «черноокая Россети», Александра Россет, в числе друзей и близких знакомых которой был весь литературный цвет России XIX века. Особая мистическая духовная близость связывала ее с Гоголем. И конечно, Наталья Николаевна Пушкина-Ланская как «чистейший прелести чистейший образец», несмотря на все обвинения, выдвинутые против нее на протяжении почти двух веков, «особенно потрудились женщины». Как важный аргумент ее в защиту А. Белинский приводит строки Пушкина: «Гляделась ли ты в зеркало и уверилась ли, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете, а душу твою люблю я еще более твоего лица». В 40–50-е годы XIX века появляется новое поколение, на женскую половину которого огромное влияние оказали книги и личность Жорж Санд, ее идеи об исключительной любви, свободной от института брака и обязательств верности, о равенстве полов в любовном союзе. Жертвой этих взглядов, считает автор, стала жена А. Герцена, запутавшаяся между любовью к мужу и страстью к поэту Гервегу. Семейная драма Герцена хорошо известна по его книге «Былое и думы», но автор вносит свои дополнения в эту историю: Герцену были не известны письма его жены к своему любовнику. О странностях любви А. Белинский рассуждает и в очерке о Тютчеве, не раз испытывавшем раздвоение чувств. Он пишет о том, как тема любви и семьи отразилась в произведениях и личной жизни Чернышевского, Чехова, Блока. И снова мемуары: семейные и личные драмы Блока, которые его жена Любовь Менделеева объяснила тем, что у Блока с юных лет образовался «разрыв на всю жизнь» между любовью плотской, телесной и духовной, неземной, прокомментированы его наблюдательной теткой М. Бекетовой. Иногда автор выходит за пределы рассказа о любви, как в очерке об Ахматовой, где он предлагает оригинальную версию подоплеки появления постановления ЦК ВКП(б) 1946 года, круто поломавшего судьбы А. Ахматовой и М. Зощенко; или размышляя в очерке «Мастер с тремя Маргаритами» об от-

ношении Сталина к Булгакову. Белинский скептически оценивает существование двух моралей в вопросах пола, бытовавших в эпоху Серебряного века и возродившихся в начале XXI века: одна — для всех людей, другая — для индивидуумов творческих, наделенных некими талантами. Он показывает, какую разрушительную роль сыграл «клубок змей» из аморальных Бриков в личной жизни Маяковского. Книга написана под знаком древнего Эроса. Разве не Эрос витал в садах Семирамиды, не он ли сделал бессмертными имена Суламифи из «Песни песней» и Нефертити, не он ли заставил троянцев и греков признать Елену достойной причиной войны? В рассказах о влиянии на жизнь русского человека этой могучей силы, без которой немислимо существование всех людей, присутствует общая концепция: Эрос как единение светлой и темной стороны любви. В книге много выдержек из мемуаров, из литературных произведений, из писем, много стихов.

Питер Акройд. Уилки Коллинз. СПб.: Лимбус Пресс, Издательство К. Тублина, 2022. — 304 с.

В 1868 году в журнале Диккенса «All the Year Round» был опубликован роман У. Коллинза «Лунный камень», по определению критика Т.-С. Элиота, самый первый, самый длинный и лучший детективный роман в английской литературе. Рядом можно поставить только не менее успешный и популярный роман «Женщина в белом». «Лунный камень» печатался частями, из номера в номер, и публика с утра занимала очередь, чтобы успеть купить очередной выпуск. Так часто бывало с произведениями У. Коллинза. Одновременно первые переводы «Лунного камня» на русский появились и в России. С момента выхода роман никогда не переставали публиковать. Известный британский филолог Питер Акройд, знаток викторианской эпохи, в которую жил и творил Уилки Коллинз (1824—1889), кратко и красочно излагает биографию писателя, драматурга, автора 27 романов, 15 пьес и более чем полусотни рассказов, писателя, чья популярность длится уже второй век. Все, как положено: семья, учеба, дружеский круг, первые шаги на литературном поприще, рождение шедевров, личная жизнь. Вот каким видит своего героя П. Акройд: «Своеобразная внешность мистера Уилки Коллинза обеспечила ему прозвище Омни из-за некоторого сходства с омнибусом. Пять футов шесть дюймов — не особенно высокий рост даже для 1850-х и 1860-х. Голова выглядела слишком крупной для его тела, руки и ноги чересчур короткими, а ладони и ступни маленькими, их называли „более подходящими для женщины“». Как и многие его современники, он любил яркую одежду и мог явиться к ужину «в светлом костюме из твида или верблюжьей шерсти, в свободной розовой или голубой рубашке в полоску и, скажем, с красным галстуком». Был известен своим дружелюбием и привычно хорошим расположением духа; женщины обожали его за лукавый юмор и непринужденное обаяние. Был очень наблюдателен. Все, что он видел и слышал: сценки повседневной жизни, пейзажи, внешность людей, их жесты, как характерные, так и довольно новые для тех лет лондонские обороты речи — все использовалось им в его произведениях. По настоянию отца, довольно востребованного художника, желавшего обеспечить сыну будущее, юный Коллинз устроился клерком в чайную фирму Antrobus & Co. Монотонная работа была юноше не по душе, но он трудился в фирме пять лет, а в свободное время сочинял стихи, пьесы, рассказы. По настоянию отца, поступил в почетное общество Линкольнс-Инн учиться на юриста. Но испытывая отвращение к юриспруденции, большую часть времени трудился над романом «Антонина, или Падение Рима», действие которого происходит в Риме в V веке н. э. Юридическое образование он получил, стал членом корпорации адвокатов, но адвокатской практикой никогда не занимался, а полученные

им знания использовал при сочинительстве романов. В феврале 1850 года роман «Антонина» увидел свет и получил больше хвалебных рецензий, чем все последующие произведения Коллинза. Коллинз много путешествовал по Европе и Англии, любил море, Париж и французскую кухню, Италию, где еще в отрочестве провел с родителями почти два года. Италия, с иронией замечает, Акройд, «была мечтой для замкнутых, постоянно утомленных и тревожных викторианцев». Часто путешествовал в компании с Ч. Диккенсом, близким другом и коллегой. Они не раз совместно работали над пьесами, сами ставили их и выступали в частных постановках как актеры. Любительский театр пользовался большой популярностью в Англии XIX века. Зрителями спектакля по пьесе Э. Бульвера-Литтона «Не так плохо, как кажется», где играли писатели, стали королева Виктория и принц Альберт. Коллинз тяжело переживал смерть друга в 1870 году. Коллинз не был добропорядочным викторианцем. Он считал, что женитьба — «самый серьезный риск, которому может подвергаться мужчина». И не был готов так рискнуть, вместо этого завел две одновременные незаконные связи. Обе женщины оставались с ним до самой его смерти, никогда не встречались, в союзе с одной из них у Коллинза появилось трое детей. Как и многие викторианцы, Коллинз «постоянно страдал от нервного расстройства, считавшегося следствием того, что сами они называли „битвой жизни“». А также его мучили воспаление глаз, больная печень, подагра и много других надоедливых хворей. Стараясь избавиться от сильных болей, вызванных ревматизмом и подагрой, писатель пристрастился к лаудануму, используемому в викторианскую эпоху как лекарство, и принимал его до самой смерти. «Для Питера Акройда каждое мгновение скромной и тихой жизни милого, болезненного и обаятельного Уилки, вольнодумного писателя, неутомимого рассказчика, театрала, поборника свободы женщин, остроумного и невероятно трудолюбивого, становится поводом для разговора о стране и мире, литературных жанрах, путешествиях по миру, науке и суевериях», — пишет в предисловии переводчик О. Чумичева. Акройд, знаток викторианской эпохи, показывает, что Коллинз не только в собственной жизни выходил за рамки общепринятых правил своей эпохи, но и изображал в своих книгах оборотную сторону викторианских приличий и респектабельности. Коллинз писал об отверженных и обездоленных, о судьбах падших женщин и незаконнорожденных, осуждал ограничение имущественных прав для женщин. «Возможно, он был феминистом». Независимые женщины в его книгах, так похожие на его яркую и остроумную мать, по словам Коллинза, женщину замечательного ума и культуры, разрушали типичные для XIX века стереотипы женственности. Коллинз не разделял имперского высокомерия своих земляков-современников, и, невзирая на общественное негодование, вызванное восстанием сипаев в 1857 году, с симпатией изобразил индийцев в «Лунном камне». Акройд не пересказывает многоплановых, многонаселенных романов Коллинза, считая это невозможным. Но поясняет, почему читатель с таким нетерпением дожидался каждого выпуска очередной части очередного романа Коллинза. «Коллинз был больше мастером сюжета (гением построения сюжета), чем психологического портрета, и виртуозно умел создавать запутанную интригу и особое напряжение в своих романах». На русском языке книга П. Акройда публикуется впервые.

Мэтью Гэбриэль, Дэвид М. Перри. Светлое Средневековье. Новый взгляд на историю Европы V—XIV веков. СПб.: Питер, 2023. — 352 с.

Американские историки-медиевисты Мэтью Гэбриэль и Дэвид М. Перри выступают против образа мрачного Средневековья, закрепленного и в исторической науке, и в массовой культуре. И предлагают другой взгляд на историю «темных веков». Свет-

лое Средневековье авторы начинают с 430 года нашей эры — со строительства в Равенне часовни-усыпальницы Галлы Плацидии, где и ныне, почти 1600 лет спустя, старинная мозаика мерцает, как сами звезды. И здесь же в 1321 году, в этом же городе и в этом же здании, где изгнанный из Флоренции Данте обрел вдохновение, чтобы окончить «Рай», последнюю книгу «Божественной комедии», завершится Светлое Средневековье. География Средневековья обширна, и авторы заглядывают во все уголки Светлого Средневековья — от окруженной зеленью Равенны до холодных берегов Аляски. В середине V века, спустя десятилетия после разграбления Рима готами, хотя центры власти и переместились в Равенну и Константинополь, Рим продолжал играть важную роль для элит региона. Смерть Рима, считают авторы, существует только в глазах историков последующих времен. Римлянами считали себя жители великого Константинополя, некогда захолустного рыбацкого городка Византия (определение «византийцы» станет общепринятым только в XVI веке). Городом трех великих монотеистических религий станет Иерусалим. Важные события в длинном тысячелетии будут происходить в Мекке, Ахене, Толедо, Багдаде, Марракеше, Париже, Флоренции... На исторической арене ведущая роль будет переходить от одного народа к другому, среди них римляне, византийцы, древние германцы, лангобарды, франки, викинги. Светлые века — эпоха неоднозначных явлений. Например, викинги бесчинствовали на останках империи Каролингов в Северной Европе, совершали набеги на Средиземноморье, сражались в византийских армиях — и против византийских армий. В нашем представлении они жестоки и агрессивны. Но если смотреть шире, то они, если можно было не воевать, участвовали в трансрегиональной торговле, колонизировали необитаемые земли, создавали новые королевства и государства. За несколько столетий в большинстве своем приняли христианство и стали норманнами. Страшной страницей «темных веков» считаются крестовые походы. Но нельзя забывать и о важной для участников крестовых походов составляющей: битва на земле приближала срок апокалипсиса, понимаемого средневековыми людьми не как «конец», а как «преображение», приближение Страшного суда, когда те, кто стал на сторону Бога, получают награду. Средние века — это время богословских споров, среди которых самыми продолжительными были между ортодоксами и арианами, это время мыслителей, которые, обращаясь к трудам Аристотеля, соединяли прошлое и настоящее, Восток и Запад, ислам, иудаизм и христианство. Героями этой книги являются конкретные люди: императоры и короли, завоеватели и полководцы, блистательные ученые, интеллектуалы, священники, папы. Это темные века — мир жестоких мужчин и покорных женщин, а в светлые времена, как показывают авторы, ситуация была совсем другой: решительные, сильные женщины влияли на политику и религиозные представления. Миф о «темных веках», по мнению авторов, опровергается величественными соборами и дивными храмами средних веков (церковь Святой Софии в Константинополе, собор Нотр-Дам, аббатство Сен Дени, часовня Сент Шапель в Париже). Это сторонники идеи «темных веков» считали парящие арки, мерцающий металл и светящиеся витражи признаками упадка. А термин «готика» как негативную характеристику средневекового искусства придумал в XVI веке итальянец Джорджо Вазари. Но если взглянуть на средневековое искусство без предубеждения, во всем его величии, то видно, что благодаря сияющему полупрозрачному стеклу, пришедшему на смену тяжелым камням, свет, проникая во внутреннее пространство, соединяя земное с небесным, создавал божественное сияние. Светлые века в этой книге — это красота и свет витражного стекла в высоких сводах собора, золотые церковные реликвии, благочестие верующих. Но также и войны, которые велись за религиозные идеи, и сожжение еретиков. Светлый средневековый мир всегда в потоке, его границы проницаемы, переплетались разные культуры. В нем сосуществуют, воюют и торгуют друг с другом люди разных религий и верований. Авторы предлагают

прислушаться «к смеси языков, на которых говорят мореходы, к неизменному многоязычию Европы, Азии и Северной Африки». Побывать на рынке, «где евреи говорят на латыни, христиане — на греческом и все — на арабском». Увидеть «загорелые лица североафриканцев, которые всегда жили в Британии». Авторы пишут о столкновениях и войнах, но и о мирном сосуществовании народов и религий, о средневековой практике терпимости. В Константинополе уживались разные версии христианства. В раннее Средневековье полуостров Аравия, важнейший узел пересечения древних торговых путей, являлся домом не только для ислама, но и других монотеистических религий. Римляне-христиане и персы-зороастрийцы поддерживали торговые и военные контакты с арабами. Есть свидетельства, что ранние мусульмане совершали свои обряды вместе с местными христианами, а возможно, и с иудеями. «Священная война» никогда не была перманентным состоянием: христиане и мусульмане в XI и XII веках иногда враждовали, иногда дружили, но в любом случае жили в тесном соседстве. «И как бы историки ни старались, изобразить историю как противостояние добра и зла, Востока и Запада, христианства и ислама не получилось». Прагматично относились к религии поклонники Тенгри монголы, никогда не преследуя людей по религиозному принципу. Великий шелковый путь часто становился спасением для еретиков, вынужденно покинувших родные земли. Авторы развеивают миф о «дикой, изолированной, примитивной средневековой Европе» (никогда в истории она не была такой, как никогда по-настоящему не была обособлена и Британия, и в раннем Средневековье заполненная людьми, по меньшей мере, с трех континентов, которые, вероятно, говорили на разных языках, привозили идеи и вещи из других стран). И очень резко и аргументированно авторы выступают против идеи превосходства белого человека, родившейся в умах мыслителей XVIII—XIX веков.

In vino veritas: Виноградарство и виноделие Крыма на старинных фотографиях, этикетках и в рекламе. Авт.-сост. И. Севастьянов. Симферополь: Н. Орианда, 2023. — 231 с.: ил.

Очень красивая книга: старинные фотографии и рисунки дворцов и усадеб в винодельческих имениях. Сцены уборки урожая, дегустации вин, фотографии отдыхающих в бывших имениях в 20–30-е годы прошлого века. Красочные фото археологических находок и старинных бутылок, цветные репродукции открыток, прейскурантов, этикеток, на которых помещались название вина, место происхождения — имения или винохозяйства, зачастую с указанием и владельца-производителя. Например, фигурная бутылка с тисненным в стекле гербом и надписью «Ливадия. Имение Его Величества». В оформлении книги присутствуют и старинные открытки в стиле модерн европейских художников. Многие из запечатленных артефактов сохранились до нашего времени в единичных экземплярах, большая часть их находится в частных коллекциях, их фотографии публикуются впервые. Уникальный коллекционный материал сопровождается информацией, взятой из старинных и современных путеводителей, из научной и справочной литературы, из записок и путевых заметок, сделанных в XVIII—XX веках. Все вместе образует подробное повествование о том, как развивались виноградарство и виноделие «на берегах Тавриды». В предисловии составитель альбома Иван Севастьянов пишет: «История виноградарства и виноделия в Крыму уходит в седую древность, и никто из археологов пока не может достоверно определить, где и когда зародились эти отрасли на полуострове. Одни говорят, что первыми были тавры, приготовлявшие вино из дикого винограда, и доказательством их правоты служат на-

ходки лепных сосудов VIII века до н. э. с косточками лесного винограда. Другие утверждают, что европейская виноградная лоза прибыла к нам с греческими колонистами из Эллады. Приходили и исчезали племена, рушились государства, но неизменным у любого народа оставалось трепетное отношение к виноградной лозе. Она символизировала долголетие, изобилие, мир и достаток и вместе с тем олицетворяла бессмертие, являясь символом вечной жизни, символом Спасителя. XIX век превратил крымское виноделие в искусство, подведя под него научную основу. К началу XX столетия виноградарством и виноделием занимались тысячи крымских земледельцев, и каждая новая находка старинной фотографии, этикетки или прејскуранта позволяет нам открыть новую страницу, рассказывающую о становлении и развитии Крыма как одного из центров отечественного земледелия». На протяжении веков, невзирая на войны, стихийные бедствия, болезни виноградников, виноградарство являлось доходнейшей отраслью крымского хозяйства. Составитель располагает материал по географическому принципу. Представлены все винодельческие районы Крыма: Севастопольский район, Ласпинская долина, Симеиз, Кореиз, Гурзуф, Ялта и ее окрестности, Алуштинский район, окрестности Судака, Феодосии, Симферополя. Подробно рассмотрены особенности организации виноградарства в почти четырех десятках имений, рассказано о сортах винограда, который там выращивался, о винах, которые из них делали. Многие из этих вин были отмечены высокими наградами на российских и международных выставках. Среди владельцев имений были знатные, сановитые (Голицыны, Долгорукие, Нарышкины, Юсуповы) и не очень. Имена продавались, владельцы менялись. Большой популярностью в XIX веке пользовались крымские вина из Алупки, имения графа, светлейшего князя М. Воронцова, генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии (1823—1854). В 1824 году он закупает алушкинские земли, строит дворец и благоустраивает территорию своего поместья. В 1830-х годах высаживает виноградники, к 1834 году завершено и строительство первого винного погреба. Наиболее дорогие вина разливались в особые, «фирменные» бутылки с выдавленным на стекле воронцовским гербом. Низкосортные вина на хранение не закладывались, а перекуривались на водку, напоминавшую вкусом коньяк. Продавалась она под маркой «Воронцовская старка». Кроме вин, алушкинская винодельня изготовляла лечебные соки из виноградов сортов «педро хименс», «шасла белая» и «шасла розовая». Сорт «шасла розовая» знали еще в Древнем Египте. В книге есть подробные рекомендации, как следовало принимать это лечебное средство. В марте 1889 года по указанию Александра III Удельное ведомство, с 1797-го по 1917 год управлявшее имуществом императорской семьи, приобретает у наследников Воронцова винодельческие имения «Массандра» и «Ай-Даниль». Весной 1891 года на должность главного винодела был приглашен Лев Голицын, владелец знаменитого винодельческого имения «Новый свет». Лев Голицын — имя легендарное в истории отечественного виноделия. Приобретая в 1878 году имение в Судаке, он поставил перед собой цель создать тонкие, гармоничные «русские» вина и найти ответ на волнующий всех крымских виноделов вопрос: отчего завезенные знаменитые зарубежные лозы не дают здесь таких тонких вин, как на родине? После многолетнего труда и сотни экспериментов он сделал вывод: «Вино — это продукт местности». Вино южного побережья оказалось так хорошо, что торговцы стали употреблять его для сдобривания других, более дешевых вин. Понимая, что виноделие невозможно без хорошо отлаженного подвального хозяйства, в подведомственных ему хозяйствах Л. Голицын строил грандиозные погреба, существующие и поныне. Романовым принадлежали и другие винодельческие угодья в Крыму: «Чаир», который в первую очередь славился роскошным парком с необыкновенной коллекцией роз, имения «Ай-Тодор», «Орианда», «Ливадия». История каждого имения, вы-

пускаемой там винной продукции, зрелищно иллюстрированная, подробно изложена в книге. Много «прикладных» сведений: история создания бутылки (первая «настоящая» винная бутылка появилась только в середине XVII века), история пробки, в том числе капсюль на горлышке бутылки. Эти капсюли, изготовленные из оловянной или алюминиевой фольги, защищали корковые пробки от мышей, также на них вытисняли гербы или надписи, что затрудняло фальсификацию вина. Есть и история появления винной этикетки. Прототипом ее является надпись на глиняном кувшине, найденном в гробнице фараона Тутанхамона (1352 год до н. э.): «Год 5-й. Вино из дома Тутанхамона. Главный винодел Кхаа». Историю виноградарства и виноделия Крыма дополняет рассказ об организации виноторговли крымскими винами в городах России. Временные рамки повествования — от глубокой древности до реорганизации винодельческих хозяйств в 1920–1930-е годы и немецкая оккупация Крыма в фотографиях из альбомов немецких солдат 1941–1944 годов.

Леонид Амирханов. Поющие скалы парка Монрепо. СПб.: Остров, 2023. — 120 с.: ил.

Леонид Амирханов, писатель-краевед, рассказывает об уникальном пейзажном парке, созданном трудами отца и сына Николаи в первой половине XIX века на берегу Выборгского залива в северной части города Выборга. «Здесь отдыхаешь душой, здесь предаешься размышлениям. Это — парк-размышление. Это парк тихого отдыха. Тут и камни, тут и дикая природа, тут необыкновенный союз человека, человеческого искусства и природы. Природа здесь всегда красива, если предоставить ей свободу, а человек предоставил ей свободу и вместе с тем помогал ей», — делился своими впечатлениями о парке академик Д. Лихачев. Это благодаря ему у старинного парка в 80-е годы прошлого века появилась вторая жизнь. После окончания Великой Отечественной войны было не до парка. О Монрепо знали только жители Выборга и продвинутые краеведы. В СССР первое упоминание о нем появилось в 1962 году в книге о Карельском перешейке. В начале 80-х годов прошлого века Д. Лихачев рассказал о парке в книге «Поэзия садов», в 1988 году по сценарию Лихачева был снят фильм о парке. 22 января 1988 года вышло Постановление СМ РСФСР «Об организации историко-архитектурного и природного музея-заповедника «„Парк Монрепо“». Л. Амирханов в подробностях восстанавливает историю имения. Первая усадьба — Шарлоттенталь — появилась здесь в 1760-е годы и принадлежала она российскому обер-коменданту Выборгской крепости П. Ступишину (1718–1782). После смерти Ступишина в 1784 году усадьбу продали, фактическим ее владельцем стал принц Фридрих Вюртембергский, старший брат Марии Федоровны, жены будущего императора Павла I. Фридрих и переименовал Шарлоттенталь в Монрепо (*mon heros*), в переводе с французского — *mon* — мой, *heros* — может означать и отдых, и покой, и спокойствие, и место отдыха. В 1788 году имение приобрел барон Людвиг Генрих Николаи. Л. Г. Николаи свыше тридцати лет находился вблизи Павла I, сначала как наставник цесаревича, затем как его личный секретарь. С 1798-го по 1803 год был президентом Российской академии наук. Выйдя в отставку, он принялся за создание уникального ансамбля: необыкновенного и сложного сочетания творений природы (скалы, сосны, вода) и человека. Поэт с ясным взглядом и чуткой душой, он оставил поэтический рассказ на немецком языке о своей усадьбе, поэму в пятьсот с небольшим строк «Имение Монрепо в Финляндии. 1804». Строки из нее в переводе М. Костоломова неоднократно приводит Л. Амирханов. Сын Л. Г. Николаи Пауль, крупный дипломат, при жизни отца редко бывал в имении. Но

унаследовав его в 1820 году, занялся благоустройством. Самые узнаваемые архитектурные сооружения в парке — существующие и сегодня — появились в те годы, когда Монрепо принадлежало Паулю: капелла Людвигсбург на семейном острове-некрополе Людвигштайн, мраморный обелиск в память о братьях Броглио, скульптура Вьянемейнена, псевдоготические входные ворота, украшенные фамильным гербом, павильон над источником «Нарцисс». Семья Николаи владела имением с 1788-го по 1944 год. В книге рассказывается обо всех членах семьи Николаи, потомках шведских дворян, покинувших Швецию в XVI веке и в конце XVIII века ставших российскими подданными. Каждому строению в парке, существующему и утраченному, посвящен отдельный очерк. Все они имеют свою историю, за каждым элементом убранства кроются особые смыслы, отражающие культурные взгляды эпохи, в которую памятники создавались. Так, обелиск братьев Броглио поставлен в честь братьев супруги Пауля Николаи: французы, бежавшие от Великой французской революции, они погибли, воюя с Наполеоном на стороне России, один под Аустерлицем, другой в сражении при Кульме. Статуя Вьянемейнена, главного бога древних финнов, была наваяна появлением финского эпоса «Калевала». Ее установили в 1831 году, неоднократно калечили, окончательно разбили после Зимней войны. Нынешняя статуя появилась в 2007 году. В 1980-х годах были воссозданы уникальные входные ворота, лишь в незначительных мелочах отличающиеся от утраченного оригинала. Среди утраченных памятников «китайский зонтик на высоком камне», башня Бель-вю, турецкая палатка, появившаяся не только как дань моде, но и под влиянием русско-турецких войн XVIII века. В огне Зимней войны в 1940 году исчез павильон Паульштайн, самая ранняя парковая постройка Л. Г. Николаи, сооруженная по античным образцам, как и полагалось в XVIII веке, и названная так в честь сына Пауля. Список утрат можно продолжить. До наших дней уцелел усадебный дом Николаи, перестроенный в конце XVIII — начале XIX века по проекту Д.-А. Мартинелли. Это единственное сохранившееся в Ленинградской области деревянное строение в стиле классицизма. Д.-А. Мартинелли занимался и внутренним убранством дома, он же проектировал мостики, новую оранжерею, создавал планы сада, «превращал парк в мощный оркестр, который пока только настраивал свои инструменты, чтобы вскоре подарить миру чудесную мелодию». Архитекторы, садовники, создатели парка — Д.-А. Мартинелли, И.-Э. Бисттерфельд, В. Риверс, Лассен — также являются героями живых очерков: удивительные биографии, непростые характеры, вкусы, работы. Около 1830 года по приглашению Пауля Николаи в имение Монрепо приехал молодой датский художник К. Кристенсен, на которого было возложено эстетическое воспитание семерых детей Пауля, а еще он создал серию акварелей, запечатлевших красоты Монрепо. С его акварелей французский художник Луи Жюльен Жакотте сделал серию литографий, которые передают неповторимую прелесть «жемчужины России» — парка Монрепо. На этих литографиях, ставших иллюстрациями к поэме Л. Г. Николаи, можно детально рассмотреть и близкие, и удаленные детали. Эти литографий, старинные и современные фотографии дополняют образный рассказ Л. Амирханова.

Публикация подготовлена
Еленой **ЗИНОВЬЕВОЙ**

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург, Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)